

Хруст, хруст, хруст — звук перемалываемых костей и плоти наполнял голову Сана.

Брошенный в одиночестве в подземную тюрьму, Сан дрожал и блуждал где-то в прошлом. Метущееся сознание омеги не могло найти покоя, постоянно двигая гири весов.

Воспоминания о том, как его хватили за волосы, погружали в только что выжатую кровь и вытаскивали обратно. Детский плач и крики, пробивающиеся сквозь рёв монстров.

Хруст, хруст, хруст — звуки костей и плоти, раздавливаемых и перемалываемых мощными челюстями монстров. Они снова и снова ломали душу Сана.

«Кхе-кхе-кхе, этих сто детей убил славный генерал».

После этого всякий раз, когда он не выдерживал и применял силу, лидер секты Ак-Сон убивал сто детей на глазах у Сана. Лишь пройдя через девять дополнительных кругов ада, Сан наконец смог полностью переродиться как сосуд для зачатия. Каждый раз, когда измученное тело восстанавливалось в регенерационной жидкости, он сам отрезал себе обе руки, чтобы предотвратить использование силы, и всякий раз, когда хотелось сдаться, тысячи и десятки тысяч раз повторял себе причину, по которой должен жить.

Причина, по которой он должен жить.

«Обязательно выживи».

Отец. Твой ребёнок умер, выжил только я. Только я.

Учитель, я хочу убить их всех.

«Тогда твоей душе станет хоть немного легче?»

Да. И после этого я обязательно засмеюсь.

Мать. Я даже не смог найти зацепки к тем, кто убил мою семью. Смогу ли я, такой, отомстить за мать и отца, за братьев? Не слишком ли это алчно — даже мечтать о мести, будучи таким глупым и бессильным?

Нет, возможно, мать и отец, братья и не желали, чтобы я мстил. У меня нет на это ни права, ни способностей. Они лишь хотели, чтобы я защитил последнего ребёнка, но я даже этого не смог сделать. Наверное, я разочаровал и вызвал у них обиду.

Возможно, я боюсь смерти из-за этого страха. Возможно, я так цепко держусь за жизнь, потому

как боюсь, что мать и отец, братья будут меня осуждать и упрекать, когда мы встретимся после смерти.

Нет, у меня нет ни матери, ни отца, ни братьев. Есть лишь зловещий ребёнок, единственный выживший, когда вся семья погибла. Лишь проклятое существо, снова единственное оставшееся в живых, когда учитель и Бам, их дети были жестоко убиты.

И всё же я не хочу умирать, под предлогом мести, на которую у меня нет ни права, ни способностей. Я сохраняю свою жизнь. Под предлогом великого дела спасения других, иногда, даже если я сам не могу справиться, разжигаю ярость и добровольно становлюсь убийцей. Если это мародёры, независимо от причины, я сам лишаю их жизни.

Неважно, ребёнок или взрослый. В конце концов, они вырастут мародёрами и умрут мародёрами. Я собственными глазами видел кровь множества мутантов и носителей на их руках. Если это седьмой дистрикт, в котором они укоренились, я хотел бы сжечь дотла, не оставив даже травинки.

«И это называют людьми? И этих, живущих так, называют людьми, как и нас? Это невыносимо».

Лидер секты Ак-Сон прав. Могу ли я, совершивший такие злодеяния, как они, и не колеблясь сделавший ещё худшее, действительно называться себя человеком? И всё же я всё ещё страдаю. Не могу сомкнуть глаза спокойно, не распустив клубок горечи в груди.

Как избавиться от этой застарелой ненависти, пропитанной кровью? Как укротить эту необузданную ярость?

Учитель. Разве не лучше было бы оставить меня в покое?

Бам. Разве не лучше было бы отправить в печь ребёнка, в чьих жилах течёт ваша кровь, вместе с последним младенцем?

Тогда, возможно, мне не было бы так сейчас мучительно. Возможно, каждый миг после той ночи, когда я остался в живых один, не был бы для меня пыткой. Возможно, я не стал бы ещё одним монстром.

Учитель, Бам.

Мать... Отец...

Очень... больно. Больно, мучительно.

Пожалуйста... заберите меня.

Крупные слёзы скатились по переносице Сана, у которого была размозжена нижняя часть тела.

«Так ты ребёнок Мэ... Сан. Всё в порядке. Всё будет хорошо. С сегодняшнего дня я семья Сана и его учитель. Поделись со мной страданиями Сана».

Заберите все мои страдания... «учитель», «учитель»...

«Не болейте. Не болейте, учитель...»

В тёмной голове Сана, теряющего сознание, всплыло одно незнакомое воспоминание.

«Я не хотел оставлять учителя одного, когда ему больно».

Моё ли это воспоминание?

«Мне от этого было ещё больнее».

После той ночи, когда учитель и её семья были жестоко убиты, Сан не знал ни одного тёплого мгновения. Нет, это не так. Учитель, которая, не сумев преодолеть моё желание жить, заплатила великую цену, чтобы спасти меня. Это был минимальный долг перед учителем и её семьёй, чьи тела даже не удалось похоронить.

«Учителю было очень больно, но когда я обнял, ему стало лучше».

Слабый и глупый Сан.

«Отныне я буду с тобой каждый день».

Опять создал иллюзию, не вынеся той боли.

«Так что давайте жить вместе долго-долго».

Чтобы выжить, мне нужно опереться на эту иллюзию.

Слабый, глупый, бесполезный Сан.

И всё же Сан не мог жестоко оттолкнуть иллюзию в своей голове. Она была слишком тёплой. Слишком хорошим воспоминанием. Даже если оно было ложным, оно останавливало мгновенную боль, поэтому Сан не мог изгнать эту иллюзию.

— Хы...

С губ Сана, едва державшегося за иллюзию, чтобы поддерживать жизнь, вырвался раздавленный всхлип.

* * *

Огромный замок, расположенный на краю скалы, в самой бесплодной части восьмого дистрикта, земли вечной зимы, не знающей тепла 365 дней в году, — Чёрный замок. Кабинет на первом этаже этого замка, также называемого «Чёрный дракон» за форму, напоминающую присевшего дракона, был разгромлен, словно там пронёсся ураган.

Разбитые окна, разрушенные стены, обвалившийся потолок, опрокинутые книжные шкафы. Соль, потягивая айс-кофе из стакана, вошла в кабинет, осмотрелась и тихо присвистнула.

— Когда мы всё это приберём?

— Тот, кто намусорил, тот и должен убирать, такие вещи, — ответил Домдоль, последовавший за Соль. Он высунул голову у неё за плечом и добавил: — Я давно понял, но твой характер, братан, просто потрясающий. Зачем ломать целый кабинет? Заранее говорю, я пальцем не пошевелю. Я, между прочим, гость! Вот я и говорю, давай наберём людей, раз нет подходящих рабочих, зачем постоянно всё ломаешь? Ты же не собираешься довести дворецкого до смерти от переработки и отправить на тот свет пораньше. Неужели ломать, а потом убирать — это твоё хобби? Ведь в итоге убирать тебе. Боже мой, оказывается, помимо охоты на тех лицемерных ублюдков и мародёров, у тебя есть и другие хобби!

Домдоль, который мог бы легко добавить не одно, а сто слов, осматривая разрушенный кабинет, не забыл восхититься:

— В любом случае, удивительно, что замок ещё не рухнул, правда? В общем, не делай так, братан, послушай меня. Ты злишься? Я понимаю тебя в сто, в тысячу раз. Если бы у тебя на глазах был заклятый враг, и ты бы оставался спокойным, разве ты был бы живым человеком? Ты был бы каменным Буддой. Но по-человечески срывать зло на посторонних — это не дело. Знаешь, как пугаются Сольё и Сольпхо каждый раз, когда раздаётся этот грохот? Каждый раз, когда ты так злишься, у дворецкого прибавляются морщины, а у шеф-повара сердце уходит в пятки. Ладно Сольё и Сольпхо, но другие двое — обычные люди. Ты знаешь, как они пугаются? Удивительно, что они до сих пор в порядке, согласен? Так что я говорю тебе, братан, злость нужно вымещать на тех, кто виноват. Конечно, ни в коем случае нельзя убивать. Да, я сам с ума схожу от желания убить того лицемерного ублюдка. Но нельзя же убивать его просто так. Сколько людей ненавидят того «великого» генерала? Мы убьём такую важную персону по своему желанию? Этого не может быть. Абсолютно невозможно. Но у нас же есть боярышник? Мёртвого не воскресить, но можно спасти того, кто на грани смерти, с помощью этого драгоценного боярышника, зачем его копить? Разве не для таких случаев он и нужен? Разве не для таких случаев и ты, братан, копишь его целую кучу?

Пока они шли от двери разгромленного кабинета к расколотому пополам столу, Домдоль становился всё возбуждённее. Наконец, его голос повысился, жесты стали размашистыми, он был в полубезумном состоянии. Словно перед ним сейчас на самом деле стоял великий генерал Сан, словно он уже держал жизнь этого Сана в своей руке, опьянённый местью, которую вот-вот осуществит. В итоге сто слов Домдоль добавил сто слов. Затем он с возбуждённым лицом посмотрел на Ди и предложил:

— Братан, давай убьём генерала. Нет, замучаем омегу до смерти, а потом снова оживим. Боярышник? Он нам не нужен. Есть же регенерационная жидкость. Восстанавливаем регенерационной жидкостью, пытаем настолько, чтобы не умер, и снова заливаем регенерационной жидкостью. Как тебе? Хорошая идея, да? Главное — не убить того человека. Ты же тоже с ума сходишь от желания убить? Так давай причиним боль хуже смерти. Не можешь? Боишься случайно убить? Но ты ведь уже сделал это? Сбросил со ста метров, размозжил только нижнюю часть, но оставил в живых. Почему только ты наслаждаешься этой радостью? Почему только ты!.. А-а-а-ах!

Домдоль, который с горящими глазами кричал всеми фибрами души о несправедливости на неподвижного Ди, закричал, словно падал в обморок. Ди, не моргнув и глазом, отрубил правую руку Домдоля от плеча синим лезвием, наступил на грудь корчащегося на полу Домдоля и зафиксировал раненого. Домдоль, пытающийся вырваться, с красными глазами, яростно уставился на Ди.

— Твою мать, ублюдок! А-ах! А-а-а-ах!

Не обращая внимания, Ди отрезал правое ухо Домдоля и выколол правый глаз, затем направил окровавленное лезвие на дрожащее горло. И спокойным, словно потухшим, голосом спросил:

— Почему ты отключил систему безопасности?

<http://bllate.org/book/13010/1146609>